

Клокова Мария Петровна

**Михаил Юрьевич
Лермонтов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Петровна К.**
Михаил Юрьевич Лермонтов / Клокова Мария Петровна – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-89333-6

ISBN 978-5-519-89333-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Она пѣла надъ его кроваткой грустныя пѣсни, поливая слезами его крошечную головку; когда же мальчикъ немного подросъ, она брала его къ себѣ на колѣни, садилась къ роялю и цѣлыми часами играла тихія печальныя мелодіи, а двухлѣтній Миша тихо сидѣлъ, прижавшись къ ея груди, и слушалъ.

Но не долго пришлось ей нянчить своего любимца: злая чахотка давно уже грызла ея слабую грудь. Пришла весна,

Бабушка Лермонтова,
Е. А. Арсеньева.

Лермонтовъ
въ дѣтствѣ.

Мать Лермонтова,
М. М. Лермонтова.

пустила по лугамъ звонкія ручьи, украсила пушистыми сережками березу подъ окномъ маленькаго Миши,—и его любимую грустную маму отнесли на кладбище.

Миша остался на рукахъ бабушки. Потерявши дочь, старушка перенесла всю свою любовь на маленькаго внука, и крошечный баловень сдѣлался общимъ кумиромъ. Все въ большомъ барскомъ домѣ вертѣлось около Миши.

Многочисленная дворня бабушки забавляла и баловала его любимца. Вся усадьба замирала, когда спалъ ребенокъ; если кто-нибудь изъ дворовыхъ забывалъ объ этомъ, то ему крѣпко доставалось отъ барыни. Когда мальчику случалось заболѣть, то весь барскій дворъ погружался въ уныніе, крестьяне освобождались отъ работъ и должны были молиться за здоровье ребенка, а сама хозяйка не спала, не ѣла отъ страха за внука. Зато, если Миша былъ здоровъ, то въ барской усадьбѣ не прекращались шумъ и веселье. Дворовыя дѣвушки приходили въ покои играть съ ребенкомъ, пѣли ему пѣсни, рассказывали сказки. Лѣтомъ часто цѣлой гурьбой отправлялись въ лѣсъ, и бабушка слѣдила изъ окна своей комнаты, какъ маленькій Миша ковылялъ по широкой лѣсной просѣкѣ, окруженный дѣвушками.

На Пасхѣ катали съ Мишей яйца, цѣлыя корзины которыхъ приготавливались въ убранномъ по праздничному бабушкиномъ залѣ. Зимой для мальчика устраивали ледяную гору, а на святкахъ въ барскихъ покояхъ не умолкала музыка. Ряженые дворовые приходили развлекать Мишу, плясали и играли кто во что гораздъ, а бабушка приготавливала для нихъ длинные столы, уставленные лакомствами, и угощала всѣхъ безъ разбора.

И все это дѣлалось ради ребенка. Этотъ маленькій человечекъ вносилъ столько разнообразія, столько веселья въ жизнь дворовыхъ людей. Ради него строгая барыня дѣлалась доброй, уменьшала работу, прощала провинившихся, ради него жизнь въ усадьбѣ превращалась иногда въ сплошной праздникъ. Понятно, что всѣ въ домѣ отъ стараго до малаго обожали Мишу.

До крайности впечатлительный и чуткій ребенокъ, живущій среди заботъ и ласки, воспитанный на волжскихъ пѣсняхъ и сказкахъ, онъ съ дѣтства впиталъ въ себя богатый запасъ впечатлѣній, и въ маленькой душѣ уже рождался

въ неясныхъ образахъ тотъ сложный глубокій міръ, который отразился потомъ въ произведеніяхъ великаго поэта.

Самымъ любимымъ занятіемъ двухлѣтняго Лермонтова было ползать по полу своей комнаты съ мѣломъ въ рукахъ и чертить на устилавшемъ полъ сукнѣ всевозможныя каракули. Едва начинавшій лепетать малютка любилъ смотрѣть на яркую луну, свѣтившую въ окна его комнаты, радовался вечернему золотому небу; а когда до его слуха долетали звуки рояля, онъ становился тихъ и грустенъ, и иногда начиналъ плакать. Должно быть, въ дѣтской душѣ просыпались забытыя, едва уловимыя мелодіи—напѣвы матери.

Миша былъ хилый и болѣзненный мальчикъ. Около десяти лѣтъ онъ перенесъ тяжелую болѣзнь, и бабушка повезла его на Кавказъ, на сѣрныя воды. Эта поѣздка въ цвѣтущій, полный оригинальной красоты край произвела глубокое впечатлѣніе на душу ребенка. Сѣдя вершины горъ, упирающіяся въ синее небо, дикія ущелья и водопады, черкесы въ остроконечныхъ шапкахъ, ихъ странный чужой говоръ, новая обстановка жизни,—все это такъ захватило мальчика, что послѣ пріѣзда съ Кавказа онъ только и бредилъ пережитыми впечатлѣніями, игралъ съ товарищами въ Кавказъ и лѣпилъ изъ воска черкесовъ.

Когда Мишелю исполнилось четырнадцать лѣтъ, бабушка переселилась съ нимъ жить въ Москву и здѣсь отдала его учиться въ Университетскій пансіонъ. Мальчикъ поступилъ прямо въ 4-й классъ и учился очень хорошо. Необыкновенно способный и талантливый, онъ уже много зналъ для своихъ лѣтъ. Бабушка заботилась объ его образованіи и потратила массу денегъ, платя домашнимъ учителямъ. 14-лѣтній мальчикъ, знакомый ужъ съ литературой и исторіей, преклоняющійся передъ Пушкинымъ и Наполеономъ, умѣющій прекрасно рисовать и удивительно способный къ музыкѣ, выдѣлялся изъ среды учениковъ. Учителя пансіона сразу обратили вни-

маніе на маленькаго поэта, который сталъ помѣщать въ школьномъ рукописномъ журналѣ прекрасные стихи. Занятія литературой, русской и иностранной, и особенно изученіе излюбленнаго Пушкина развивали творческую фантазію мальчика; новыя впечатлѣнія давали работу мысли. Одаренный геніальной проницательностью, онъ начинаетъ уже вду-

Отецъ Лермонтова, Ю. П. Лермонтовъ.

мываться въ окружающую жизнь и замѣчаетъ ея ложь и фальшь, которыя волнуютъ его чуткую, не по-дѣтски серьезную душу. Въ своихъ самыхъ раннихъ стихотвореніяхъ онъ говоритъ уже о цѣпяхъ и рабствѣ, о каменныхъ сердцахъ, о скрытыхъ обманахъ. Избалованный, избѣженный мальчикъ, окруженный заботами и лаской, таилъ въ себѣ какую-то печаль, какое-то горе, неясное

недовольство собой и жизнью, которой онъ еще не зналъ, и душа его уже жила глубокой, невѣдомой для другихъ внутренней жизнью.

Въ домашней жизни Лермонтова, гдѣ все существовало для него, было одно обстоятельство, которое съ самаго нѣжнаго возраста незамѣтно отравляло душу мальчика. Это былъ разладъ между его отцомъ и бабушкой.

И тотъ и другой, каждый по-своему, любили Мишеля. Отецъ, человѣкъ слабосильный, но нервный и вспыльчивый, непремѣнно хотѣлъ воспитывать сына самъ; бабушка, гордая и властная, не уступала. Наконецъ, Юрій Петровичъ согласился оставить Мишеля у бабушки до 16 лѣтъ, сознавая, что самъ онъ, не имѣя средствъ, не сможетъ дать ему хорошаго воспитанія. Бабушка достигла своего, но она все время съ недовѣріемъ и неприязнью относилась къ Юрію Петровичу, боясь, что онъ отниметъ у нея внука. Когда отецъ пріѣзжалъ въ Тарханы, чтобы повидаться съ сыномъ, ребенка моментально отправляли куда-нибудь въ сосѣднюю деревню или посылали гонцовъ къ сосѣдямъ-родственникамъ звать ихъ на помощь противъ козней Юрія Петровича. Это возмущало отца, желавшаго видѣть сына, и въ домѣ часто происходили ссоры.

Все это, конечно, не укрылось отъ глазъ ребенка. Мальчикъ, не имѣвшій матери, полюбилъ отца, отъ котораго никогда не видѣлъ ничего дурного. Онъ понималъ, что отца обижаютъ въ домѣ, и своимъ дѣтскимъ сердцемъ всталъ на его сторону. Любя бабушку, онъ не могъ объяснить ея жестокости къ отцу; любя обоихъ, не понималъ ихъ ненависти другъ къ другу.

А между тѣмъ Мишелю минуло пятнадцать лѣтъ, и шестнадцатый годъ подходилъ къ концу. Отецъ воспользовался своимъ правомъ и потребовалъ, чтобы старушка отдала ему сына. Бабушка, ожидавшая съ трепетомъ этой минуты, упорствовала, и началась борьба за обладаніе любимымъ мальчикомъ. Юрій Петровичъ требовалъ своего, давая просторъ своей накопившей обидѣ; бабушка хваталась за всякое средство, чтобы сохранить себѣ самое дорогое въ жизни.

Начался открытый раздоръ, который всей тяжестью обрушился на мальчика.

Миша очутился между двухъ огней. Глубоко оскорблен-

ный за любимого отца и въ то же время сильно привязанный къ бабушкѣ, онъ метался отъ одного къ другому и страдалъ ужасно. Но сердцемъ онъ былъ на сторонѣ отца и уже совсѣмъ былъ готовъ уйти къ нему.

Но старушка не вынесла горя и заболѣла. Это удержало Мишеля. Его стала терзать мысль, что онъ отнимаетъ единственное утѣшеніе у бабушки и толкаетъ ее къ могилѣ. Измученный, изстрадавшійся за обоихъ, онъ идетъ къ отцу и говоритъ, что не въ силахъ покинуть бабушку, такъ какъ это ее убьетъ. Онъ изливаетъ передъ нимъ всю душу, думая, что любимый отецъ пойметъ его; но Юрій Петровичъ выходитъ изъ себя, упрекаетъ сына въ холодности и, порвавъ съ семьей, увъзжаетъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву пришло извѣстіе о смерти Юрія Петровича. Неизвѣстно, отчего онъ умеръ, но эта смерть была новымъ, ужаснымъ ударомъ для Миши. Съ дѣтства лишенный матери, онъ потерялъ теперь отца, оставшагося одинокимъ и обиженнымъ въ послѣднія минуты своей жизни. Мальчикъ такъ страдалъ, такъ мучился, обвиняя себя въ смерти отца, что готовъ былъ покончить съ собой.

II. Ученическіе годы и первые литературные опыты.

Съ тѣхъ поръ какъ Мишель поступилъ учиться въ Университетскій пансіонъ, онъ проводилъ лѣто, вмѣстѣ съ бабушкой, въ подмосковномъ имѣніи Середниково у своей тетки. Время проводили весело, было большое общество молодежи, постоянно наѣзжали въ усадьбу безчисленные родственники, сверстники Мишеля, и его кузины, молодыя дѣвушки. Устраивались прогулки, пикники, чтенія вслухъ, танцы. Шестнадцатилѣтній Мишель, всегда умѣвшій внести интересъ въ общество, забавный и остроумный, былъ люби-

мымъ членомъ веселой компаніи. Но часто онъ удалялся въ садъ или запирался въ своей комнатѣ и проводилъ тамъ цѣлые дни, упиваясь своими любимыми книгами. Онъ читалъ много и серьезно, глубоко задумываясь надъ прочитаннымъ, и любимымъ его поэтомъ въ это время былъ Байронъ, въ произведеніяхъ котораго онъ находилъ откликъ своему тяжелому душевному настроенію.

Но, отдаваясь такъ серьезно занятіямъ, прочитывая массу книгъ и мысля, какъ взрослый, Мишель былъ въ то же время настоящимъ ребенкомъ и чувствовалъ потребность шалить и проказничать. Иногда вдругъ бросивъ книгу, онъ начиналъ клеить латы изъ картона. Потомъ они съ сызномъ Аркадіемъ наряжались въ эти военные доспѣхи, вооружались игрушечными копьями и пиками и отправлялись ночью на кладбище или къ развалинамъ старой бани, которыя они и брали приступомъ.

Сутуловатый, смуглый, большеглазый Мишель, выглядѣвшій еще несформировавшимся подросткомъ, самолюбивый и желающій быть взрослымъ, казался младшимъ среди своихъ гостей, и они, особенно дѣвушки, подтрунивали надъ нимъ, смѣясь надъ его серьезностью, разсѣянностью и надъ его увлеченіемъ поэзіей.

Однажды лукавыя кузины приготовили пирожковъ съ опилками и предложили ихъ Мишѣ, возвратившемуся съ прогулки. Тотъ съ жадностью началъ поѣдать пирожки, не замѣчая продѣлки, а когда дѣвушки съ громкимъ смѣхомъ остановили его, онъ сорвался съ мѣста, бросился вонъ изъ комнаты и не показывался имъ цѣлый день.

Такое отношеніе бѣсило Мишеля, но и онъ не оставался въ долгу, пуская въ ходъ свои ядовитыя насмѣшки, остроты и эпиграммы.¹⁾

¹⁾ Эпиграмма — коротенькое стихотвореніе, заключающее въ себѣ насмѣшку.

Проучившись два года въ Университетскомъ пансіонѣ, Лермонтовъ поступилъ въ Московскій Университетъ и вступилъ въ кругъ студенческой молодежи. Живой и шалов-

Лермонтовъ студентомъ.
(оъ 1831—1832 гг.).

ливый въ привычной обстановкѣ, нѣжный и искренній съ своими немногими друзьями; онъ былъ необщителенъ и угрюмъ среди людей, которыхъ онъ мало зналъ. Онъ, уже достаточно пережившій и передумавшій, чувствовалъ себя болѣе зрѣлымъ среди студентовъ и выдѣлялся изъ нихъ своимъ умомъ, серьезностью и начитанностью. Новые товарищи не подходили

къ его душевному настроенію, и онъ чуждался ихъ.

Студенты считали его за гордеца, но все-таки что-то влекло ихъ къ этому странному, серьезному юношѣ, всѣ въ тайнѣ завидовали его независимости и стойкости и относились къ нему хорошо. Но начальство не любило Лермонтова. Онъ такъ же гордо и независимо держалъ себя по отношенію къ профессорамъ, и его самостоятельный смѣлый тонъ часто сердилъ ихъ и приносилъ ему не мало непріятностей.

Однажды профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій лекціи по литературѣ, задалъ Лермонтову какой-то вопросъ. Тотъ началъ отвѣчать бойко и самоувѣренно, обнаруживая большія знанія по этому вопросу.

— Я вамъ этого не читалъ, — сказалъ профессоръ, — откуда могли вы почерпнуть эти знанія?

— Это правда, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ Лермонтовъ, — Вы намъ этого не читали и не могли читать, потому что это для васъ слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь научными пособіями изъ своей собственной библіотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранныхъ языкахъ.

Такой отвѣтъ очень не понравился Побѣдоносцеву, и онъ отомстилъ за это дерзкому студенту. Профессора стали придираяться къ Лермонтову и наконецъ довели дѣло до того, что ему пришлось выйти изъ университета.

За два года, проведенныхъ въ университетѣ, Лермонтовъ возмужалъ и превратился изъ мальчика-подростка въ юношу. Съ дѣтства научившійся думать, онъ начинаетъ все серьезнѣе и серьезнѣе относиться къ жизни.

Передъ глазами живо стоитъ недавно пережитая семейная драма, оскорбившая его самыя лучшія чувства, и размышленіе надъ жизнью поселяетъ въ его душѣ цѣлый адъ горечи и сомнѣній. Среди равнодушныхъ и безпечныхъ людей, среди друзей, непонимающихъ его мукъ, юноша чувствуетъ себя одинокимъ. Онъ удаляется и отъ чужихъ и отъ близкихъ и уходитъ въ свои мрачныя думы. Сердце требуетъ разрѣшенія роковыхъ вопросовъ, мысль упорно работаетъ, ища отвѣта. И вотъ на помощь приходитъ творчество. Всѣ бури своей усталой отъ сомнѣній души юный поэтъ выливаетъ въ творческой работѣ. Одну за другой онъ пишетъ нѣсколько драмъ: „Странный человѣкъ“, „Люди и страсти“ и др., въ которыхъ онъ изображаетъ свою жизнь и свои муки, связанные съ жизнью близкихъ ему людей, и эти незрѣлыя еще драмы отличаются необыкновенной силой и трагизмомъ описанныхъ переживаній.

Въ періодъ пребыванія въ университетѣ, Лермонтовъ

жилъ необыкновенно напряженной духовной жизнью и много писалъ. Кромѣ драмъ, онъ написалъ въ это время массу стихотвореній, началъ поэму „Демонъ“, которую онъ потомъ много разъ перерабатывалъ, написалъ „Хаджи Абрекъ“, „Ангель смерти“ и др.

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ звучать страданія одинокой души. Душа эта, глубокая, нѣжная, „съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность“, не находитъ себѣ отклика.

Она рвется въ высь, къ звѣздамъ, слышитъ звуки небесъ, но не умѣетъ уловить ихъ среди шума и хаоса жизни и потому считаетъ себя отвергнутой и небомъ и землей.

Выйдя изъ Московскаго университета, Лермонтовъ подалъ прошеніе въ Петербургскій университетъ, но поступить туда ему не удалось, потому что тамъ не хотѣли зачесть годы московскаго ученья. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе кончить ученье и выйти на самостоятельную дорогу, и онъ поступилъ въ военную школу въ Петербургѣ, хотя это и было ему не по душѣ.

Скоро поэтъ понялъ, что онъ сдѣлалъ непоправимую ошибку, поступивъ въ эту школу. Ея порядки, ея размѣренная по минутамъ жизнь, совсѣмъ не подходили къ характеру Лермонтова, къ его свободной, не выносящей цѣпей душѣ.

Но поправить дѣло онъ не могъ; самолюбіе не позволяло ему переѣннить свое рѣшеніе, и онъ остался въ школѣ, надѣясь какъ-нибудь протянуть два, необходимые для ея окончанія года.

Эти годы не прошли даромъ для поэта; они тяжелымъ гнетомъ легли на его душу и подвергли ее тяжелой ломкѣ.

III. Петербургъ и Кавказъ.

Окончивъ военную школу, Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ былъ произведенъ въ офицеры и отправился въ Царское Село, гдѣ находился его полкъ.